

© 1992 г., ЭО, № 1

А. А. Никишенков

Н. С. ТРУБЕЦКОЙ И ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ (предисловие к публикации)

Князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890 — 1938), основоположник (наряду с Р. О. Якобсоном) новой лингвистической дисциплины — фонологии, уже давно и прочно вошел в число классиков науки о языке. Его работы положили начало, помимо общей фонологии, многим принципиально новым научным направлениям, таким, как морфонология, типология языковых структур, кон- фронтативная лингвистика, учение о языковых союзах и контактах, история литературных языков. До сих пор переиздаются и обсуждаются его труды и по традиционным для его времени темам: индоевропеистика, сравнительная грамматика славянских языков, праславянский язык, старославянский язык, древний период восточно- и западнославянских языков, а также кавказское, угро-финское и палеоазиатское языкознание¹.

Однако почти неизвестным для советского читателя остался целый пласт научного наследия Н. С. Трубецкого, связанный с его разработками этнографических проблем. Между тем этнография с детства (он с 13 лет регулярно ходил на заседания этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при московском университете) и до конца его дней занимала существенное место среди многообразных интересов Николая Сергеевича. К слову сказать, первый научный труд был им написан и опубликован в 14-летнем возрасте именно по этнографии².

Основные этнографические работы Н. С. Трубецкого так или иначе были связаны с евразийством — идейно-теоретическим и общественным движением, довольно широко распространенным в 20 — 30-х годах среди интеллигенции русского зарубежья. Трубецкой был одним из зачинателей и духовных лидеров этого движения, которое заявило о себе летом 1921 г. сборником статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев»³. К евразийству примыкали многие талантливые представители эмиграции: историк Г. В. Вернадский, богослов и философ Г. В. Флоровский, историк и философ Л. П. Карсавин, историк и литературовед князь Д. П. Святополк-Мирский, географ П. И. Савицкий, государствовед Н. Н. Алексеев, политический деятель князь К. А. Чхеидзе, писатели В. И. Ильин и А. В. Кожевников, востоковед В. П. Никитин, калмыцкий историк Эрэнжен Хара-Дава и многие другие.

Первоначально евразийство не представляло собой организационного единства. Оно объединяло слишком разных по складу мышления и политическим ориентациям ученых, разделявших в той или иной мере лишь несколько общих мировоззренческих установок, которые конспективно (рискуя их исказить) можно свести к следующим постулатам: Россия в пресловутой дихотомии «Запад — Восток» исторически занимает своеобразное место, не сводящееся ни к западной (романо-германской), ни к восточным (азиатско-азиатским) цивилизациям; своеобразие русской (евразийской) культуры и государственности — результат многовекового творческого сотрудничества славян с угро-финскими, балтскими, тюркскими и другими народами; духовная сущность русского самосознания — в православии; двухсотлетнее доминирование западноевропейского начала, внедренного Петром I, породило порочное раздвоение культуры некогда органически цельного народного организма, что в свою очередь привело к развитию демократического радикализма и в конце концов разразилось братоубийственной гражданской войной и господством «мерзости и преступлений в большевистской России»⁴, революция 1917 г. — это не столько реализация злого умысла кучки марксистов (западников-радикалов), сколько народный бунт, вызванный давней болезнью общества, в которой повинен его высший слой; именно поэтому пути спасения России лежат не в плоскости насильственной реставрации монархии или порядков Временного правительства, а в плоскости нравственного преодоления большевизма на основе постепенного восстановления православных идеалов любви и всеединства, ко-

которые были почти совсем выхолены в официальной церкви, но еще не умерли в толще народного сознания (так называемое «бытовое исповедничество»); евразийская природа русского коммунизма обусловлена тем, что революция, уничтожив европеизированный правящий слой и всколыхнув страну, вынесла наверх людей из низов, той среды, где подспудно всегда сохранялось народное православно-евразийское мироощущение, прикрытое у новых правителей лишь тонким слоем вульгарно-марксистской риторики; свою миссию евразийцы видели в том, чтобы всемерно способствовать объективно неизбежному процессу духовного перерождения большевизма, для чего, как они считали, необходимо противопоставить квазирелигиозной догматике и идеологии последнего веру и идеологию, более значительные по силе и масштабности, — такой верой должно стать очищенное от власти государства православие, а идеологией — евразийское учение о подлинных основах народного самопознания.

Евразийство за полтора десятилетия своего существования совершило стремительную эволюцию от аморфного, подчеркнуто внепартийного научно-философского движения к разветвленной структуре, имеющей организации и функционеры во многих столицах Европы, свое книгоиздательство, выпускающее сборники статей, научные монографии, журналы «Евразийский временник», «Евразийская хроника», газету «Евразия» и литературно-художественный альманах «Версты». Евразийская культурология и историософия, пронизанные идеями христианско-гуманистического утопизма, неуловимо превращались в жесткую идеологическую схему с явными признаками партийной программы. Такая метаморфоза, очевидно, неизбежное следствие атмосферы политических страстей, раздиравших русскую эмиграцию и ведущих к политизации любого интеллектуального движения. Отрицательное отношение основоположников евразийства к какой-либо насильственной реставрации и признание факта принятия массами власти большевиков и все большего ее укрепления почти все политические эмигрантские центры квалифицировали как пробольшевистскую направленность, что породило массированную травлю евразийцев, доходившую порой до грубых выпадов и навешивания ярлыков вроде «православного большевизма»⁵. В таких условиях поиск евразийцами третьего (не монархического и не буржуазно-демократического) пути спасения России поставил их в политическую изоляцию и привлек к ним внимание просоветски настроенной части эмиграции и, как некоторые полагают, советских спецслужб (ОГПУ — НКВД), хотя официальное отношение советских руководителей было не менее враждебным, чем отношение белоэмигрантских центров. В итоге в евразийском движении стали возникать фракции явно левой ориентации, склонные к некритическому восприятию действительности сталинского тоталитаризма. Если для «классиков» евразийства (Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский и др.) установка на мирное преодоление большевизма была не более чем верой в творческие возможности русского народа, то для левоевразийской молодежи надежды на будущее России уже прямо связывались с развитием советской государственности. «Классики» многократно предпринимали попытки остановить большевизацию евразийства, примером чему может служить гневное выступление Трубецкого против редколлегии газеты «Евразия», подменявшей «ортодоксально-евразийские положения элементами других, ничего общего с евразийством не имеющих учений (марксизм, федоровство)» и освещавшей события в СССР с просталинских позиций⁶. Попытки сохранить чистоту первоначального евразийства были безуспешны, движение было обречено и в начале 30-х годов с уходом из него наиболее талантливых теоретиков — Г. В. Флоровского, Л. П. Карсавина, Г. В. Вернадского, Д. П. Святополк-Мирского, В. Н. Ильина и др. — фактически прекратило свое существование.

Евразийство как общественно-политическое движение постигла естественная кончина, однако оно оставило не только политически наивные декларации и претенциозную архаическую идеологию, давшие Федору Степуну основание назвать его представителей «славянофилами эпохи футуризма»⁷, но много оригинальных и плодотворных идей в области философии, историософии, истории, этнографии, ставших органическим продолжением и развитием традиций отечественной мысли «серебряного века». Этнография Н. С. Трубецкого — наиболее яркое явление в этом ряду. Под евразийской этнографией следует понимать серию трудов Трубецкого, помещенных в евразийских изданиях и связанных с некоторыми общими историософскими постулатами евразийства о самобытности культурного и этнического облика России: «Европа и человечество» (София, 1920), «Об истинном и ложном национализме» и «Верхи и низы русской культуры» (В сб.: Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921), «Вавилонская башня и смешение языков» (В журн.: Евразийский временник. кн. 3. Берлин, 1923), «О туранском элементе в русской культуре» (В журн.: Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925), «К украинской проблеме» (В журн.: Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927), «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927).

Для историка отечественной этнографии в этнографических трудах Трубецкого интерес представляет не только их связь с евразийской идеологией (прямая и обратная), но главным образом развитие тех идей комплексного народознания (синтез этнографии, лингвистики, социологии, психологии, географии и др.), которые были характерны для русской науки предреволюционного времени, а также внутренней связи (еще никем всерьез не исследованная) методов и теоретических оснований фонологической лингвистики с разработкой этнографических проблем.

Еще во время обучения на историко-филологическом факультете Московского университета (в 1908 — 1912 гг. он прошел курсы философско-психологического отделения и отделения языка и литературы) Трубецкой усвоил от своих старших коллег и наставников А. А. Шахматова и Вс. Ф. Миллера комплексный подход к языку, учитывающий всю конкретность и многообразие его фольклорных форм и контекст этнической культуры. Интерес к исторической динамике развития языка всегда сочетался у Трубецкого с интересом к пространственным (географическим и экологическим) параметрам этого процесса. Такой подход формировался не без влияния известных этнографов начала века, о чем свидетельствует переписка юноши Трубецкого с В. Г. Богоразом, Л. Я. Штернбергом, В. И. Йохельсоном⁸.

Основные идеи евразийской этнографии Трубецкого сформировались задолго до их реализации в эмигрантских изданиях. Как видно из его письма к Р. О. Якобсону, еще в 1909 — 1910 гг. он планировал написание трилогии, в которой «первая часть должна была иметь заглавие „Об эгоцентризме“ и посвящалась памяти Н. Коперника; вторая должна была называться „Об истинном и ложном национализме“ с посвящением Сократу; третья, наконец, под заглавием „О русской стихии“ должна была быть посвящена памяти Емельяна Пугачева»⁹. В своих трудах, вышедших в начале 20-х годов в Софии, Трубецкой, правда, отказался от нескромных посвящений, но детально развил свое юношеское убеждение о том, «что ни „я“, ни кто другой не есть пуп земли, что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет»¹⁰, в стройный корпус положений, обличающих этноцентризм тогдашней культуuroлогии и этнологии, основанный на эволюционистском убеждении в превосходстве европейской цивилизации. Относил он этот грех и к соотечественникам, в большинстве своем трактовавшим проблемы русской истории, этнографии и языкознания через призму славянорусского эгоцентризма, игнорировавшим свои туранские корни в стремлении во что бы то ни стало быть «европейцами». Такой подход предвосхищал многие грядущие изменения в аксиологической ориентации мировой этнологии.

Даже поверхностного сравнения этнографических выводов Трубецкого с открытиями фонологии достаточно для предварительного вывода о глубинных методологических связях между этими двумя сферами его деятельности. Так, методические приемы выявления общих черт в лингвистических образованиях, состоящих из языков, не связанных генетическим родством, — в так называемых языковых союзах — применяются Трубецким при изучении этнокультурных сообществ гетерогенного происхождения, в частности, русского народа. Развитие этого фонологического принципа в этнографии породило оригинальную теоретическую концепцию природы этнической и национальной общности, основанную на категориях «единство месторазвития», «национальная личность», «культурный союз» и др. Категория «национальная личность» восходит к философии всеединства Вл. Соловьева, среди евразийцев это направление особенно активно разрабатывалось Л. П. Карсавиным, сформулировавшим даже особое учение о личностном начале в культуре — «просопологю» или «персоналогю»¹¹.

Фонологическая методология явно присутствует и в трактовке Трубецким природы русской национальной (соборной, надиндивидуальной) личности — здесь известный фонологический принцип бессознательной основы речевых феноменов распространен на все основные явления культуры: поэзию, музыку, религию, обычное право, причем бессознательные модели этих разных сфер деятельности демонстрируют определенное сходство и могут быть сведены в общую формулу, названную Трубецким «подсознательной философской системой», определяющей специфику евразийской соборной личности¹². Современный читатель без труда усмотрит в этих этнопсихологических построениях Трубецкого прообраз широко известных категорий западной этнологии — «архетипы» К. Юнга и М. Элиаде, «ментальные структуры» К. Леви-Строса, «эмное — этное» в учении о культуре К. Пайка и др. Связь этих категорий с фонологией Трубецкого очевидна. Леви-Строс, в частности, не раз говорил об учении Трубецкого как о важнейшем источнике своей структурной антропологии¹³.

Предлагая вниманию читателей публикация работы Н. С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» имеет своей целью хоть как-то восполнить явный пробел в «самопознании» со-

временной отечественной этнографии, многие годы отлученной от трудов знаменитого ученого, и стимулировать изучение этнографической мысли русского зарубежья.

Публикуемая работа печатается по ее первому изданию (Кн. II. С. Трубецкой. О туранском элементе в русской культуре//Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 351 — 377). В публикации сохранены авторская орфография и пунктуация, за исключением изменений, вызванных переводом текста оригинала на современную графику.

Примечания

¹ У нас в стране изданы: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960; его же. Избранные труды по филологии. М., 1987 и ряд статей по лингвистике в научных сборниках.

² Трубецкой Н. С. Финская песнь «Kulto leito» как переживание языческого обычая//Этнографическое обозрение. 1905. № 2 — 3. С. 231 — 233.

³ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

⁴ Савицкий П. Н. Евразийство//Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 22.

⁵ Гиппиус З. Н. Второй кошмар//Последние новости. 2 марта 1927 г.

⁶ См.: О газете «Евразия» (Газета «Евразия» не есть евразийский орган). Париж, 1929.

⁷ Степун Ф. Об общественно-политических путях «Пути»//Современные записки. Париж, 1926. № 29. С. 445.

⁸ N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P.: Mouton, 1975. P. 443.

⁹ Ibid. P. 12.

¹⁰ Ibid. P. 13.

¹¹ Карсавин Л. П. Основы политики//Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 185 — 239.

¹² Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре//Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 374.

¹³ См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 35.

Кн. Н. С. Трубецкой

О ТУРАНСКОМ ЭЛЕМЕНТЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

1

Восточнославянские племена занимали первоначально лишь незначительную часть громадной территории, которую занимает современная Россия. Славяне заселяли первоначально только небольшую западную часть этой территории, речные бассейны, связующие Балтийское море с Черным. Вся прочая, большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые принято объединять под именем «туранских» или «урало-алтайских». В истории всей названной географической области эти туранские племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточнославянские, русские племена. Даже в так называемый домонгольский период туранские государства в пределах одной европейской России (царство волжско-камских болгар и царство Хазарское) были гораздо значительнее варяжско-русского. Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами. Распространение русских на Востоке было связано с об-